

«ЧЕРНОМОРСКИЙ ДИАЛОГ» В ЗМЕИНОМ КЛУБКЕ ИНТЕРЕСОВ: К АНАЛИЗУ КОГНИТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

С.П. Поцелуев

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматривается «Черноморский диалог» как концептуальный фрейм, представленный в ряде информационно-аналитических ресурсов. Автор подробно анализирует когнитивные стратегии и субстратегии «евроатлантического» и «евразийского» концептов «Черноморского диалога». Делается вывод, что присущие этим концептам квазиэкспертные аргументативные игры не выходят за рамки полемиического (партийно-идеологического) дискурса.*

Ключевые слова: *дискурс-анализ, диалог, концептуальный фрейм, когнитивная стратегия, аргументативная игра, идеологический конструкт.*

От грядущих событий заранее тени видны.
Дж. Джойс. Улисс.

Основной текст данной статьи уже был написан и опубликован [Поцелуев 2012], когда на Украине случился «Евромайдан», который стал спусковым крючком для трагических событий, приведших к войне.

Эта война — как и многие другие войны XX и XXI веков — ведётся не только пушками, но и понятиями. Это война за базовые концепты публичного дискурса, а вместе с ними — и за мозги людей. Актуальный украинский кризис показывает, помимо прочего, что пресловутая информационная война ничуть не ослабила в наши дни роль войны идеологической, в которой ангажированный аргумент ценится не меньше, чем электронное оборудование. А в среде идеологических аргументов будущие войны готовятся не менее тщательно, чем в сфере оборонной промышленности.

Будущие фронты заранее проигрываются в академических спорах идеологов, которые нередко прикрываются словами о мире, дружбе и сотрудничестве. Потом возникает феномен нечаянного пророчества: последующие события создают контекст, высвечивающий в старых текстах смыслы, эти события как бы предвосхищающие, но в своё время неведомые даже авторам этих текстов. Контекст актуального кризиса на Украине, видимо, создаёт немало таких коллизий для работ, написанных задолго до этого кризиса.

Не в последнюю очередь украинская драма стала результатом острого геополитического соперничества целого ряда стран Причерноморского региона. Но вот парадокс: если обратиться к политическому общению в данном регионе за последние два десятилетия, то можно, напротив, заметить обилие организаций и инициатив, эксплуатировавших в своих названиях мирную *диалогическую* терминологию¹.

Заметим, что в отечественной политической науке и публицистике «Черноморскому диалогу» уделяется немало внимания, хотя преимущественно с позиций геополитики. В данной же статье предметом анализа выступает «Черноморский диалог» как *концептуальный фрейм*, представленный в ряде информационно-аналитических ресурсов. Тем самым мы намерены выявить некоторые идеологические конструкции, скрытые в дискурсе вокруг «Черноморского диалога». На сконструированный (и в этом смысле фиктивный) характер политических образов часто указывается в исследованиях, посвящённых информационным войнам. На что, однако, меньше обращается внимание — так это на сконструированность политической *аргументации*, развёрнутой под сенью экспертных изданий и претендующей на объективность и научность.

«Черноморский диалог» как концептуальный фрейм политического дискурса

Когда мы говорим о «Черноморском диалоге» как определённом *фрейме*, мы подразумеваем под ним когнитивную структуру, позволяющую нашему языку определять ситуацию согласно некоторым идентификационным принципам, организующим знание данного социального события, включая опыт нашего личного участия в нём.

Говоря о *концептуальности* фрейма «Черноморский диалог» мы, вслед за Т. Ван Дейком [Ван Дейк 1989: 16–17], имеем в виду основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с концептом «Черноморский диалог», организована вокруг этого концепта посредством политических, когнитивных и речевых стратегий. Соответственно, «Черноморский диалог» как *концептуальный фрейм* — это не просто набор различных выражений и смысловых ассоциаций с термином «Черноморский диалог» и не просто знание, выражающее наши чувства, мнения и предположения относительно реальности, отражённой в понятии «Черноморский диалог». Речь идёт о таком знании, которое как *сценарий* организует поведение участников этого «диалога»².

Следуя подходу Ван Дейка, анализ концептуального фрейма должен выяснять, какие *вторичные концепты* связываются с этим фреймом, а именно, каковы входящие в его когнитивно-семантическое поле ключевые слова, научные термины, теории, парадигмы, метафоры, мифы, научные авторитеты, исторические события, политические деятели и т. д. Из вторичных концептов наш интерес в данной статье будет сосредоточен на абстрактных моделях-сценариях (фреймах), которые образуются путём обобщения частных ситуативных моделей и не связаны конкретным контекстом, хотя стратегически задействуются участниками конкретной коммуникативной ситуации.

Итак, нам надо будет, прежде всего, выяснить, какие фреймы активируются в тексте авторов, пишущих о «Черноморском диалоге». При этом надо иметь в виду, что данные фреймы могут и не иметь прямого отношения к региону Причерноморья. К примеру, может ис-

¹ Назовём только самые известные проекты: «Договор о черноморском экономическом сотрудничестве» (1992); «Организация черноморского экономического сотрудничества» (1999); «Ассоциация Черноморских регионов» (2002); «Сообщество демократического выбора» (2005); «Черноморская гармония» (2004 г.); «Черноморский форум „За диалог и партнерство“» (2005); «Европейский Союз и черноморское сотрудничество» (2007); «Синергия Чёрного Моря» (2007).

² По Ван Дейку, фреймы-сценарии содержат «всю общедоступную в данной культуре информацию о конкретном стереотипном варианте какого-либо эпизода» [Ван Дейк 1989: 128].

пользоваться абстрактный сценарий «исламистской угрозы» или более конкретный — «авторитарная Россия способна провоцировать эскалацию „замороженных“ конфликтов». Сверх того, могут привлекаться сценарии из других регионов, к примеру: «исламская компонента во всей Европе будет нарастать». Наконец, могут эксплуатироваться и более общие (глобальные) фреймы, вроде сентенции «Интеграционные процессы — это скорее разрыв с прошлым, чем его продолжение» или «Без влиятельных глобальных игроков региональный диалог невозможен». Конструируются и модели-сценарии, связывающие регион с глобальной перспективой: «Черноморский регион есть точка, где фокусируются истоки событий будущего».

Помимо модели предмета коммуникации, её участники строят модель коммуникативного *контекста*. В эту модель включаются представления автора об участниках диалога, их целях и стратегиях, о типе социальной ситуации, к которой должен быть приложен строящийся текст. Контекстная модель вносит ограничения на информацию: так, по соображениям политкорректности некоторые термины, выражения или целые темы запрещаются или передаются в смягчённом виде (эвфемизмами). К примеру, политические оппоненты или соперники (враги) могут осторожно именоваться как «внерегиональные игроки».

Помимо вторичных концептов, в структуре концептуального фрейма выделяются когнитивные *стратегии*, посредством которых этот концептуальный фрейм реализуется. Под стратегией мы, вслед за Т. Ван Дейком, подразумеваем план действий, организующий последовательность шагов (ходов) для достижения главной цели в условиях недостаточной информации относительно действий других участников общения, а потому делающий *выбор* в пользу определенного шага в *критических* пунктах процесса коммуникации [Ван Дейк 1989: 274].

В целом, для политического дискурс-анализа интересны *лингвополитические стратегии*, которые можно представить как триединство политических, когнитивных и речевых субстратегий. Общая политическая стратегия, которую представляет участник «диалога в Причерноморье», определяет, какого типа ход намерена сделать его «партия» в решающих моментах этого диалога как политического процесса. Такие политические стратегии проецируются в когнитивные стратегии, подобно тому, как «речевые стратегии зачастую представляют собой лишь спроецированные в область речевого взаимодействия когнитивные стратегии, нацеленные на эффективное *манипулирование* производимыми *умозаключениями*» [Там же: 299–300].

В центре нашего внимания — *основная* когнитивная стратегия участников дискурса вокруг «Черноморского диалога», состоящая в блокировании нежелательных и в продвижении желательных выводов относительно данного феномена.

Когнитивные стратегии и субстратегии в отношении концепта «Черноморский диалог»

Ещё раз подчеркнём: в данной работе мы, прежде всего, имеем дело с научно-публицистическим *дискурсом* о Черноморском диалоге, а не с *Черноморским диалогом* как таковым. Фактически политический диалог состоит из разного рода контактов (в том числе закрытых) различных организаций, государств, служб и т. д., мы же имеем дело с текстами, которые определяют, *что следует понимать* под Черноморским диалогом. С другой стороны, нас интересует здесь не разговор как прямое речевое взаимодействие, а публикации, которые диалогичны лишь в той мере, в какой они обращены к потенциальной аудитории. Можно сказать, что они предполагают не прямой ответ, но «активное ответное понимание замедленного действия» [Бахтин 1979: 247], типичное для современной (медийно опосредованной) «идеологической беседы большого масштаба» [Волошинов 1995: 312–313].

Известная академичность такого дискурса не должна вводить в заблуждение относительно того, что здесь тоже реализуются политически значимые когнитивные страте-

гии. Необходимость выбора стратегии объясняется тем, что участники коммуникации точно не знают ни суть Черноморского диалога, ни мотивы тех, кто участвует в обсуждении его перспектив. Когнитивные стратегии явно или неявно реализуют определённые ценностные и партийные установки, причём реализуют их в принципиальных вопросах: какова основа Черноморского диалога, кто является его ключевыми игроками, каковы их риски и преимущества и т. д.

Но — как оговорено выше — в данной работе мы ограничимся характеристикой *основной когнитивной стратегии* участников коммуникации, относящейся к концептуальному фрейму «Черноморский диалог». Конкретнее, эту стратегию мы представляем, вслед за Т. Ван Дейком, как единство трех субстратегий: 1) создание негативных концептов, моделей, умозаключений относительно чуждых говорящему групп; 2) производство положительных умозаключений относительно говорящего и дружественных ему сил; 3) выработка — на основе этих двух стратегий — аргументативных последовательностей, делающих оценки достоверными и социально приемлемыми [Ван Дейк 1989: 296–297].

Но для анализа указанных когнитивных стратегий необязательно анализировать весь массив текстов с ключевым словом «Черноморский диалог» и его языковыми аналогами. Достаточно зафиксировать лишь некоторые узловые точки этого дискурсивного массива, чтобы идентифицировать его общую структуру. В нашем случае в качестве таковых точек мы выбрали следующие две публикации:

1) Кулик Сергей. Черноморский диалог — возможен ли он? // Чорноморська безпека. — 2010. — № 2(16).

2) Кустарев Александр. Альтернативная Европа // Диалог.UA. 14.01.2008.

Тексты для анализа были выбраны по следующим критериям:

- «диалог» выступает в них ключевым концептом;
- в концепте «диалог» явно или неявно представлены ключевые для региона идеологии.
- аргументативные конструкции, содержащие эти идеологии, обнаруживают зеркальную оппозицию.

Эти две аргументативные конструкции мы условно называем здесь «евроатлантической» и «евразийской». Вот их ключевые тезисы.

«Евроатлантическая» конструкция: Внутренние противоречия в Черноморском регионе столь велики, что без внешней доминирующей силы диалог здесь невозможен, и такой силой должны стать США и Евросоюз, несущие демократию как естественную основу любого политического диалога, тогда как позиция России авторитарна, эгоцентрична, деструктивна, а Турция есть равноправный и ненадёжный партнёр, дружащий с Россией [Кулик 2010].

«Евразийская» конструкция: Диалог в Черноморском регионе возможен только на основе союза между Россией и Турцией — подобно тому, как франко-германское сотрудничество служит несущей опорой Евросоюза. Русско-турецкое взаимодействие воплощает дух евразийства как единственно приемлемой идеологии Черноморского диалога, что предполагает ограничение идейного и политического влияния со стороны таких внешних региону и своекорыстных глобальных игроков, как США и Евросоюз [Кустарев 2008].

Более конкретный анализ этих конструкций можно производить по такой общей схеме:

1. развёрнутая идентификация когнитивно-семантических средств (негативных концептов, моделей, суждений) относительно чуждых сил;
2. развёрнутая идентификация когнитивно-семантических средств положительной презентации себя и дружеских сил;
3. идентификация «экспертных» определений Черноморского диалога, реализуемых в аргументативных последовательностях.

Эти идентификации и дефиниции будут развёрнутыми в той мере, в какой это допускают семантические средства текста. В случае «экспертных» определений мы акцентируем

элементы, которые явно или неявно имеют партийно-идеологический характер, обнаруживая манипулятивный потенциал «экспертного» подхода.

**Когнитивные субстратегии
«евроатлантического» концепта «Черноморский диалог»**

Начнём с евроатлантической конструкции, представленной в нашем анализе упомянутым текстом С.И. Кулика. Приведём краткую информацию об авторе и месте публикации, поскольку это составляет важный элемент контекстной модели участников коммуникации, а эта модель задаёт рамки для ситуативной модели, относящейся к концептуальному фрейму «Черноморский диалог». Итак, автором статьи является Сергей Иванович Кулик (р. 1954), окончивший Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище (1976), Высшую школу КГБ СССР (1988), а также Национальную академию государственного управления при Президенте Украины (1998). Публикация С.И. Кулика размещена на сайте украинской неправительственной аналитической организации «Номос», исполнительным директором которой он является. Полное название данной организации — «Центр содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества Черноморского региона». Офис «Номоса» расположен в Севастополе, «Чорноморська безпека» (Черноморская безопасность) — его официальный орган.

Охарактеризуем теперь субстратегии, в которых реализуется главная когнитивная стратегия евроатлантической позиции в «Черноморском диалоге».

Начнём с развёрнутой идентификации когнитивно-семантических средств для описания чуждых «евроатлантистам» партнёров Черноморского диалога.

Образ этих чуждых сил сводится у С. Кулика к серии клише, заимствованным из исторической памяти времён холодной войны, но слегка модифицированным геополитическим жаргоном. Основной тезис: *Россия не может представить достойного интеграционного проекта, будучи наименее удобным собеседником в развитии Черноморского диалога*. Иллюстрацией этого тезиса выступает тот «факт», что Россия не поддержала разработанный Европейской Комиссией проект «Черноморского взаимодействия», в то же время «Организация черноморского экономического сотрудничества», где Россия выступает лидером вместе с Турцией, «не принесла значимых результатов».

Но почему Россия не способна к диалогу? В качестве аргументов выстраивается процессия следующих абстрактных фреймов:

1. *Россия практикует геополитический эгоизм и имперскую политику*, потому что она стремится вернуть в сферу собственного влияния бывшие советские республики региона, использует с политической целью энергетический фактор против энергетически зависимых европейских государств.

2. *Россия есть угроза демократии в регионе*, потому что она не только сама управляется авторитарными методами, но и «по-прежнему рассматривает любые демократические сдвиги в Большом Черноморском регионе как враждебные её национальным интересам».

3. *Россия является источником региональной нестабильности*, потому что она способна провоцировать и использовать эскалацию «замороженных» конфликтов с целью создания условий для реализации собственных геополитических и геоэкономических проектов.

Обратим внимание на ключевые слова с негативной семантикой, выражающие приведённые абстрактные фреймы: *геополитический эгоизм, угроза демократии, враждебность, империализм, региональная нестабильность, энергетические риски* и т. д.

Враждебный образ России усиливается в аргументативной конструкции С. Кулика мифологемой её союзнических отношений с Турцией. В экономическом и политическом сближении Турции с Россией украинский политолог усматривает «антиамериканскую и отчасти антинаатовскую направленность». Чтобы исключить фактическое обоснование этих спорных

тезисов, автор прибегает к цивилизационно-геополитическому *ultima ratio*, то есть, к мифо-концепту. По его словам, и Россия, и Турция являются источником взаимного недоверия среди государств региона, потому что обе страны заинтересованы в восстановлении своих геополитических позиций на берегах Чёрного моря. А заинтересованы они в этом потому, что не могут «до конца избавиться от своей традиционной „евразийской“ сущности».

Следующая когнитивная субстратегия «евроатлантиста» С. Кулика касается идентификации когнитивно-семантических средств положительной презентации себя и дружеских сил. В основе этой презентации лежит тезис о том, что евроатлантический вектор внешней политики (как противоположность «традиционной евразийской сущности») есть благо для причерноморских государств. В частности, ориентация стран региона на ЕС и НАТО означает энергетическую безопасность, региональную стабильность, преодоление межгосударственной конфронтации; исключает нарушение прав человека и ведёт к разрешению «замороженных конфликтов»; реализует «полноценный Черноморский диалог».

На основе упомянутых двух субстратегий в тексте С. Кулика конструируются «экспертные» определения «Черноморского диалога», которые призваны сделать негативные и позитивные оценки партнёров диалога «научно достоверными» и «социально приемлемыми». Выстроим теперь эти определения по узловым точкам главной когнитивной стратегии, реализуемой участниками Черноморского диалога. Одновременно, дабы оттенить сконструированный характер аргументативных последовательностей указанных «экспертных» определений, мы противопоставим им контраргументы.

1. *Общее определение Черноморского диалога*: Черноморский диалог есть «сотрудничество стран региона между собой и с влиятельными глобальными игроками». *Контраргумент*: Не всякое сотрудничество является диалогом, а наличие «влиятельных глобальных игроков» ставит под вопрос равноправность этого сотрудничества, а значит, и его статус как диалога.

2. *Определение условий успешности Черноморского диалога*: «Полноценный» Черноморский диалог требует «профессиональных, скоординированных действий спецслужб, дипломатии, аналитических центров, государственных чиновников, политиков, а также концептуальной общности, единства взглядов на ситуацию в регионе». *Контраргумент*: Если условием успешного политического диалога являются, прежде всего, действия спецслужб и госчиновников, и только потом — концептуальная общность его участников, тогда в чем состоит отличие такого «диалога» от переговоров с позиции силы?

3. *Определение главной проблемы Черноморского диалога*. Эта проблема видится в том, что у стран региона «нет системообразующего фактора (центра влияния), консолидирующего все эти разношёрстные видения, интересы и потенциалы, структурирующего и трансформирующего их в скоординированный и целенаправленный проектный процесс». *Контраргумент*: Если «системообразующий фактор» предшествует диалогу, зачем тогда последний вообще нужен? Разве этот фактор не должен быть выработан в процессе диалога, — с условием, что его участники стремятся выровнять свои позиции, изначально неравные?

4. *Определение главного способа решения проблемы Черноморского диалога*: Только активная геополитическая воля государств, в первую очередь ЕС и НАТО, обеспечит реализацию «Большим Черноморским регионом» ключевой стратегической роли для евро-атлантического сообщества. Черноморский диалог мог бы тогда поддержать законные устремления стран региона присоединиться к НАТО, а также стимулировать и активизировать усилия в деле разрешения «замороженных» конфликтов и тем самым обеспечить энергетическую безопасность Европы. *Контраргумент*: этот аргументативный ряд молчаливо предполагает идейно-политическое превосходство Запада по отношению к другим игрокам региона. Но такая предпосылка делает полноценный диалог невозможным, тогда как автор считает, что именно эта предпосылка только и может обеспечить полноценный диалог.

Мы видим, что «экспертное» понимание Черноморского диалога содержит импликации, которые грубо противоречат общему пониманию диалога, представленному в современ-

ном социогуманитарном знании. При этом концепт диалога либо тривиализируется до любого сотрудничества в отличие от конфронтации, либо абсурдируется, превращаясь в разновидность отношений по типу доминирования, в данном случае, западного альянса.

Если приведенное квазиэкспертное понимание Черноморского диалога обнаруживает парадоксально-противоречивое понимание политического диалога вообще, что служит тогда *реальной концептуальной основой* развиваемого автором аргументативного ряда, включая характеристику дружеских и вражеских сил в понимании Черноморского диалога? Эта концептуальная основа есть, но присутствует она в виде пресуппозиций и импликатур. Мы можем её эксплицировать по некоторым концептуально-семантическим признакам.

Прежде всего, бросается в глаза геополитический жаргон С. Кулика: *геополитическая важность региона, стратегический коридор, геостратегические интересы, геополитические и геоэкономические проекты, геополитическая воля государств* и т. п. Ссылка на З. Бжезинского может навести на мысль, что методологической предпосылкой автора выступают идеи, развитые в известной книге «Великая шахматная доска» (1997). Однако при внимательном прочтении обнаруживается примечательная неточность ссылки на оригинал. С. Кулик пишет: «Находясь в треугольнике между исламским миром, Россией и Европой, большинство стран Причерноморья выбирает европейский вектор внешней политики, но не может до конца избавиться и от своей традиционной „евразийской“ сущности, на которую указывал З. Бжезинский». Но у Бжезинского речь идёт не о «евразийской сущности» России (как некогда роковым её пороке), но лишь об «обособленной „евразийской“ самостоятельности» [Бжезинский 1998: 148] России как её возможном геополитическом *выборе* («стать либо также частью Европы, либо евразийским изгоем» [Там же]). Неслучайно Бжезинский заключает в кавычки сам термин «евразийская» (самостоятельность).

С приведённой цитатой из текста С. Кулика связан один интересный эпизод. Эта цитата представляет собой дословное заимствование из статьи московского историка А. Язьковой³. Однако мы имеем здесь дело с чем-то большим, чем банальный плагиат; скорее, перед нами случай дискурсивной «телепортации» идеологемы. Под этим мы подразумеваем концептуальные формулы, которые живут своей собственной жизнью, время от времени как бы «материализуясь» в целом кластере текстов, разумеется, не обязательно в дословной форме, как в нашем случае.

Как бы то ни было, подлинной идейно-методологической основой упомянутого аргументативного ряда выступает у С. Кулика концепция «столкновения цивилизаций», а не геополитическая концепция Бжезинского (независимо от того, насколько та вообще отвечает реальности). И то, что автор называет «треугольником между исламским миром, Россией и Европой», также неявно указывает на концепцию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона с его тезисом: «Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие» [Хантингтон 2003: 244]. Американский политолог пишет, что Турция всё больше преследует свои интересы, выступая (вместе с православной Грецией) аномалией в НАТО, к тому же, так и не принятой в ЕС [Там же: 249–251].

Именно в духе «столкновения цивилизаций» С. Кулик делает из русско-турецкого сотрудничества некий дестабилизирующий фактор Черноморского диалога и «страшилку» для интересов Запада. Напротив, Бжезинский пишет о том, что «Турция стабилизирует регион Чёрного моря, ... уравнивает Россию на Кавказе, всё ещё остаётся противоядием от мусульманского фундаментализма и служит южным якорем НАТО» [Бжезинский 1998: 64]. Бжезинский акцентирует конкурирующие интересы России и Турции, подчёркивая, что «враждебное отношение России к Турции граничит с навязчивой идеей», а «Украина вступи-

³ «Находясь в треугольнике между исламским миром, Россией и Европой, большинство стран Причерноморья выбирает европейский вектор внешней политики, но не может до конца избавиться и от своей традиционной «евразийской» сущности, на которую указывал Бжезинский» [Язькова 2007].

ла в сотрудничество с Турцией, чтобы ослабить влияние России на Чёрном море» [Там же: 165, 168].

С учётом этого момента, становится понятным идеологический статус «культурно-цивилизационной» риторики автора. В Черноморском регионе он видит пространство, для которого «издавна было характерным широкое разнообразие цивилизаций, культур и религий». Он придаёт особый смысл «историческим наслоениям» во взаимоотношениях государств Причерноморья, видя в регионе «своеобразный „цивилизационный барьер“ между исламским и христианским миром». Наконец, автор обвиняет руководство западного альянса в недооценке «европейскости» государств Причерноморья. Все эти тезисы на проверку оказываются идеологемами. А ссылка на авторитет Бжезинского выступает у автора типичным когнитивно-семантическим средством, который подчинён сценарию, заимствованному из политической памяти эпохи «холодной войны». Здесь очевидна ключевая роль фреймов в дискурсивной трансляции политических интересов, которые при посредничестве когнитивных стратегий обретают в абстрактных моделях-сценариях важный ресурс «анонимной убедительности», позволяющей стилизовать частный интерес под объективную «логику обстоятельств».

Когнитивные субстратегии «евразийского» концепта «Черноморский диалог»

Начнем, как и в предыдущем случае, с информации об авторе и месте публикации как существенных моментах ситуативной модели. Александр Сергеевич Кустарев (р. 1938) — учёный и публицист с широким кругом интересов: до эмиграции из СССР (1981) занимался проблемами экономического развития стран «третьего мира»; в период эмиграции работал главным редактором литературных программ Би-би-си; в 1997–2006 годах — ведущий научный сотрудник Института русской истории РГГУ; колумнист журнала «Неприкосновенный запас».

Его статья опубликована на сайте «Диалог.UA» (<http://dialogs.org.ua>), позиционирующим себя как «независимый информационно-аналитический ресурс, который ориентирован на общественный диалог по проблемам стратегии развития Украины». На сайте «Диалог.UA» указано, что интеллектуальная поддержка этого проекта осуществляется *Центром социальных исследований «София»*. Об идейно-политической ориентации этого Центра можно судить по публикациям его Президента *А.В. Ермолаева*, уроженца (1969 г.) Донецкой области Украины. В одном из своих выступлений в ЖЖ (<http://fartovij.livejournal.com/97178.html>) А. Ермолаев высказывается в том духе, что Запад — не партнёр, а конкурент Украины; что Евросоюз и НАТО, которые рассматривались Украиной как гарант безопасности, оказались *геополитическими хищниками*; они готовы претендовать на *жизненное пространство* Украины.

Охарактеризуем теперь когнитивные субстратегии и аргументативные ряды, реализуемые в тексте А. Кустарева.

Акцент на создание негативных концептов чуждых групп выражен в этом тексте слабее, чем в статье С. Кулика, однако наличие такого рода концептов, как и их роль в основной когнитивной стратегии автора, не вызывает сомнений. А. Кустарев пишет о том, что борьба за влияние в пограничных областях Черноморского региона «быстро ведёт к выигрышу вне-региональных игроков. И именно чтобы остановить движение к взаимному поражению, нужна интеграция». «Внерегиональные игроки» включают здесь тех самых «глобальных игроков», которые в «евроатлантической» аргументативной конструкции выступают условием возможности диалога. Здесь же они оказываются условием его невозможности. Помимо ЕС и США, под «внерегиональными игроками» подразумеваются исламские экстремисты как некая глобальная угроза. В любом случае, основание для диалога здесь негативное. Диалог ну-

жен, чтобы исключить выигрыш внерегиональных игроков (врагов), поэтому страны Черноморского региона должны стать друзьями.

Что касается реализуемой в статье А. Кустарева стратегии положительной презентации себя и дружеских сил, то в этой презентации вообще нет фраз вроде «нарушения прав человека», разрешения «замороженных конфликтов» и т. п., типичных для евроатлантической аргументативной конструкции. В отличие от этой же конструкции, инициатива подлинного (а не «корыстного», как в случае «внерегиональных игроков») диалога здесь признается за Турцией и Россией. Им приписываются следующие позитивные характеристики:

- Вопреки тяжёлому конфликтному прошлому, Турция и Россия обнаруживают волю и способность к взаимному сотрудничеству.
- Для Черноморского региона они могут стать такой же объединительной силой, какой для послевоенной Европы стали Германия и Франция.
- Украина естественно дополнит этот дуэт, поскольку при всех своих культурно-исторических различиях, Россия, Турция и Украина обладают «высокой секуляризированной и всемирно-европейской культурой».
- У всех трех стран есть позитивный опыт «евроислама», причём более «авторитетного», чем на Западе. Одним словом, инициатива *подлинного* диалога в Причерноморье принадлежит Турции, России и Украине.

Посмотрим теперь, какие экспертные (т.е. с претензией на научность и политическую нейтральность) определения Черноморского диалога предлагаются А. Кустаревым. Основными субъектами этого диалога выступают, по его мнению, Россия, Турция и Украина, образующие «большой Черноморский треугольник». Обратим внимание: ещё один треугольник, но углы его совсем другие, чем в случае «треугольника между исламским миром, Россией и Европой». Почему другие — становится понятнее из дальнейших определений Черноморского диалога.

Свои главные «экспертные» дефиниции этого диалога А.С. Кустарев черпает из экономической, а не собственно политической сферы. Причём, дабы придать им видимость научной объективности, автор прибегает к типичному идеологическому приёму, представляя свой подход как золотую середину между крайностями. В более ясной, чем в анализируемой статье, форме эта конструкция высказывается А.С. Кустаревым в рецензии на геополитические трактаты А.Г. Дугина и К.С. Гаджиева. Здесь крайность геополитической мифологии противопоставляется крайности мифологии рыночной [Кустарев 1999].

На аргументативной «сцене» кажется, что автор пытается сконструировать решение, отпавляясь от этих, уже существующих «крайностей». Фактически же крайние позиции образуются им искусственно от середины, являющейся его партийной установкой, которая теперь должна преобразиться в «экспертную». Таким образом, конструирование аргументов имеет здесь драматологический смысл: аргументы играют квазитеатральные роли, определяемые когнитивным сценарием (фреймом). В данном случае — это сценарий обмена репликами между участниками того, что они сами называют «Черноморским диалогом», но диалогический статус которого отнюдь не очевиден.

Фактически мы имеем здесь игру аргументов в разговоре, сам же этот разговор может быть как полемикой, так и диалогом. Правда, коммуникативно-игровой статус аргумента предполагается и собственно диалогическим общением. Ведь диалог с необходимостью включает в себя ролевой обмен: способность поставить себя на место своего собеседника, соответственно, аргументировать даже против себя от его имени — чтобы только прояснить суть дела. Но в полемике, напротив, игровой статус аргумента отвязывается от собственно семантической функции (выражать концептуально схваченный объективный смысл предмета) и трактуется в зависимости от установки (политической стратегии) автора, которая, впрочем, не всегда очевидна. В случае с конструированием «экспертных» оценок аргументы толь-

ко играют в «научную» объективность, оставаясь в контексте полемического, партийно-идеологического дискурса.

В аргументации А.С. Кустарева упомянутый «полноценный диалог» в Черноморском регионе основывается на политико-экономическом базисе, на выгодах экономического сотрудничества. Как бы полемизируя с культурно-цивилизационным подходом, А.С. Кустарев заявляет, что социально-философский консенсус, выраженный в «европейской идентичности», есть, в первую очередь, продукт не исторической памяти и культурного сродства, но политической воли и хозяйственных выгод. Более того, в случае Черноморского диалога культурно-историческая память является не условием, а препятствием диалога, однако её можно и должно вытеснять выгодами экономического сотрудничества.

Вместе с тем — пишет А. Кустарев — это не значит, что данный диалог может ограничиться только формулировкой экономических и политических предпочтений. Культурно-символический аспект здесь тоже важен, но он должен быть не более чем полезным конструктом. В этой точке своей аргументации А. Кустарев применяет приём «уступки» своим оппонентам из «евроатлантического лагеря». В отличие от последних, он пишет о евразийстве позитивно, но исключительно как о полезном мифе: «Современную евразийскую мифологию придётся отредактировать так, чтобы она была одинаково приемлема для всех участников Треугольника. ... Короче говоря, миф придётся радикально переписать».

С учётом серьёзной трактовки «евразийской сущности» в тексте С. Кулика, аргументативные ряды представителей «евроатлантической» и «евразийской» позиции в «Черноморском диалоге» оказываются пронизанными иронией: евроатлантическая конструкция представляется квазинаучным перифразом геополитической мифологии, а евразийская аргументация, напротив, воспроизводит рационально-конструктивистское, трезво-прагматическое отношение к политическим мифам.

«Черноморский диалог» как научный концепт и как идеологический конструкт

Аргументативные игры вокруг «Черноморского диалога» представлены не только указанной оппозицией «евроатлантического» и «евразийского» подходов. В дискурсивном пространстве вокруг концептуального фрейма «Черноморский диалог» циркулируют и другие, подчас весьма экзотические конструкции, относящиеся к сфере отношений между культурами, религиями и цивилизациями. Приведём только некоторые примеры:

- Русская Православная Церковь становится проводником *межэлитного, политического, культурного и межрелигиозного диалога* с «консервативной Европой», направленного против общего врага — «секулярно-либерального и исламского проекта» [Фролов, Логинов 2010].

- Организация *межконфессионального диалога* (между православными и мусульманами) есть новое стратегическое направление для сотрудничества России и Украины [Горбунов 2010].

- «Донское казачество на всем протяжении своей истории, претерпевая значительные изменения в социально-экономической и политической сферах ..., оставалось группой *межцивилизационного диалога*» [Маркедонов 1997: 189].

Важнейшим элементом реализуемой и в этих конструктах триединой когнитивной стратегии, управляющей суждениями о «Черноморском диалоге», выступает *идеологическая легитимация квазиэкспертных оценок*. Причём реализация данной стратегии на уровне речевой семантики сопряжена с рискованностью слишком откровенного высказывания идеологических установок, из-за чего последние выражаются через пресуппозиции. Так, когнитивная стратегия может состоять в легитимации фундаменталистских идей хри-

стианского или исламского толка, но продвигаться эта стратегия может посредством анти-фундаменталистской (по определению) диалогической риторики.

При этом авторам текстов приходится скрывать свои «настоящие» убеждения и выражать то, что, по их мнению, ожидают услышать от них другие участники Черноморского диалога (и что задаётся общим концептом диалога). Прежде всего, это касается несовместимости диалога как дискурсивной практики с идеей политического или идеологического доминирования. Отсюда — использование таких двусмысленных выражений как «паритетный диалог» [Лупаций 2011] или «диалог по борьбе с общим противником» [Фролов, Логинов 2010].

Но в какой мере участники «Черноморского диалога» камуфлируют упомянутые суб-стратегии — с учётом концептов «политический диалог» и «диалог», которые не совместимы с ними по определению? Такая постановка вопроса отнюдь не является надуманной; во всяком случае, в научном дискурсе вокруг аналогичного феномена — «Евро-Средиземноморского диалога» — она уже высказывалась. По мнению британского политолога М. Пейс, не стоит недооценивать специфику и полезность диалога в международной политике вообще и в Евро-Средиземноморском процессе, в частности. В этой связи М. Пейс противопоставляет хабермасовское понимание диалога как прогрессивного развития разделяемых всеми позиций хантингтоновскому концепту «столкновения цивилизаций». Британская исследовательница справедливо задаётся вопросом: Может ли диалог *на практике* приводить к «конвергенции различий» в позициях его участников? Действительно ли стороны диалога вовлечены в процесс, который позволяет им поставить себя на место другого? [Pace 2005: 292]. И как могут партнёры по диалогу создать то чувство равенства, которое столь необходимо как раз для типичного в политике «диалога неравных»?

Теоретики межгрупповой коммуникации однозначно указывают на методологическую необходимость отличать диалог от пылких дебатов или даже взвешенного обсуждения; от интерактивных практик в рамках групповой терапии и от посредничества для выработки резолюций [Dessel, Rogge 210]. Главное в диалоге — это отказ от монополии на истину, готовность и способность изменить свою точку зрения по сути (а не только из-за каких-то тактических соображений) ради достижения действительно объективного суждения о предмете.

Наш анализ, напротив, показывает, что на словах ярые сторонники «Черноморского диалога» не идут дальше «уступок» при реализации своих когнитивных (суб-)стратегий. Речь идёт не о каких-то тайных их намерениях, которые они старательно прячут в диалогической риторике; нет, *сам их дискурс* показывает, что они менее всего движутся в сторону собственно диалогического типа общения. Тем самым дискурс о диалоге парадоксальным образом оказывается дискурсом исключения, а не вовлечения, а сам концепт диалога редуцируется до расплывчатого термина, собирающего все значения, не подпадающие под открытую конфронтацию.

В этом, однако, есть нечто большее, чем только дефицит понятия при обсуждении сложного вопроса; налицо то, что можно назвать концептуальной перверсией предмета. Перверсия здесь в том, что концепт диалога реализуется не в своем собственном значении, а как средство для развёртывания (зачастую неявным или бессознательным образом) прямо противоположного ему концепта, а именно, полемики в рамках идейно-политической конфронтации. В нормальном случае соперничество есть только этап на пути к диалогу; здесь же дискурс фиксируется на противоборстве как таковом. В результате возникает принципиально извращённая (идеологическая) картина предмета с системой извращённых понятий о нем. Научный анализ нуждается в том, чтобы это искривлённое идеологией дискурсивное поле было предварительно «очищено» и «выправлено».

Лечение такого рода концептуальных перверсий входит в прямые задачи политического дискурса-анализа. Этот анализ должен, помимо прочего показать, что упомянутые извращения не являются бессмысленными с политической точки зрения. Они служат своеобразным ин-

дексом «змеиноного клубка» интересов и парадоксальной когнитивной «картой» актуальных и потенциальных политических конфликтов.

В заключение подчеркнём, что дискурс-анализ по схеме Т. Ван Дейка позволяет эксплицировать сконструированный характер аргументативных практик, развиваемых участниками дискурсивного взаимодействия, и тем самым получить когнитивную дистанцию по отношению к партийным позициям. Ведь даже если у нас есть «третья» позиция (претендующая встать *над* двумя первыми или крайними позициями) — это может оказаться лишь иллюзией дистанции, а на самом деле — ещё одним конструктом, находящимся в одной когнитивной плоскости с другими идеологическими артефактами. Политический дискурс-анализ, вскрывая эту когнитивную подоплёку аргументативных игр, позволяет лучше понять лежащие в её основе политические интересы. Причём иногда он позволяет это сделать лучше, чем с позиций «геополитики», которая зачастую оказывается лишь политической идеологией, переложённой на квазинаучный жаргон.

В основе политического дискурс-анализа лежит убеждение, что не только политики используют язык, но и язык — как часть политической ситуации — «использует» политиков для обнажения смысла этой ситуации. Тем самым дискурс-анализ мобилизует для политической науки познавательные потенции самого языка, говорящего всегда больше того, что хотят сказать им политики, а потому нередко рождающего свои «нечаянные пророчества».

Бжезинский З. 1998. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. — М.: Международные отношения. — 254 с.

Горбунов О. 2010. Россия и Украина: Исламский диалог. — *ПОЛИТКОМ.RU*. 23.11.2010. — Доступно: <http://www.politcom.ru/11074.html>. — Проверено: 13.03.2015.

Дейк Т.А. Ван. 1989. *Язык. Познание. Коммуникация*. — М.: Прогресс. — 312 с.

Кулик С. 2010. Черноморский диалог — возможен ли он? — *Черноморська безпека*. — № 2(16). — Доступно: <http://nomos.com.ua/content/view/320/69/>. — Проверено: 13.03.2015.

Кустарев А. 2008. Альтернативная Европа. — *Диалог.UA*. 14.01.2008. — Доступно: http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=11869. — Проверено: 13.03.2015.

Кустарев А. 2011. *Геополитика — судьба России? О книгах К.С. Гаджиева «Введение в геополитику» и А.Г. Дугина «Основы геополитики. Геополитическое будущее России» (1999)*. — Доступно: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/evolution/fate>. — Проверено: 13.03.2015.

Лупаций В. 2011. Крым должен стать провайдером интересов всего Причерноморского региона Украины. — *Диалог.UA*. 18.03.2011. — Доступно: http://dialogs.org.ua/club_ua_full.php?m_id=21748. — Проверено: 13.03.2015.

Маркедонов С.М. 1997. Донское казачество. Феномен междивизиационного диалога. — *Общественные науки и современность*. — № 2. — С. 186–190.

Поцелуев С.П. 2012. Аргументативные игры вокруг «Черноморского диалога»: опыт политического дискурс-анализа. — Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. — № 2. — С. 31–45.

Фролов К., Логинов К. 2010. «Третий Рим». Суверенная модернизация. — *Всеукраинское общественное объединение «Единое отечество»*. 30.10.2010. — Доступно: <http://www.otechestvo.org.ua/main/201010/3012.htm>. — Проверено: 13.03.2015.

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. — М.: Изд-во «АСТ». — 608 с.

Язькова А.А. 2007. Крепкий морской узел. — *Независимая газета (on-line версия)*. (14.05.2007). — Доступно: http://www.ng.ru/courier/2007-05-14/18_belgrad.html. — Проверено: 13.03.2015.

Dessel A., Rogge M.E. 2008. Evaluation of Intergroup Dialogue: A Review of the Empirical Literature. — *Conflict Resolution Quarterly*. — Vol. 26. — No. 2 (Winter). — P. 199–238.

Pace M. 2005. Imagining Co-presence in Euro-Mediterranean Relations: The Role of ‘Dialogue’. — *Mediterranean Politics*. — Vol. 10. — No. 3. — P. 291–312.